

веденіи, мы найдемъ, что и тутъ гр. Толстой, какъ и въ романѣ, выступаетъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ тенденціяхъ, настоящимъ реалистомъ: съ этой точки зрѣнія «Война и миръ» особенно замѣчательны, какъ произведеніе, въ которомъ проведена одна и та же реалистическая тенденція въ областяхъ поэзіи, исторіографіи и философіи, хотя, какъ мы увидимъ, оно и страдаетъ неполнотой своего идеализма. На доказательствѣ своей мысли относительно историческихъ описаній гр. Толстого долго останавливаться не станемъ, но реализмъ его философіи заслуживаютъ болѣе внимательного разсмотрѣнія.

Художникъ превращается въ ученаго, романистъ дѣлается историкомъ, и мы въ полномъ правѣ ожидать, что общіе приемы, употреблявшіе имъ въ одной области, сохранятся и въ другой: не можетъ же одинъ и тотъ же человѣкъ поклоняться разнымъ богамъ, до такой степени раздваиваться, чтобы оставлять свои реалистическія привычки при переходѣ отъ поэзіи къ исторіографіи. Примѣръ гр. Толстого подтверждаетъ этотъ тезисъ: историческая часть «Войны и мира» чужда изображенія герояевъ въ классическомъ стилѣ, романтической манеры идеализированія событий; историческія лица превращаются у автора изъ полубоговъ въ обыкновенныхъ смертныхъ, события представляются во всей своей реальной правдѣ. Всякая идеализація есть внесеніе въ дѣйствительность нѣкоторыхъ чертъ, въ ней не обрѣтающихся; а такое внесеніе въ исторію не-реального содерянія прежде всего выражается въ представленіи героя, какъ богоподобного или пользующагося сверхъестественною властью существа. «Всѣ древніе историки, — говорить гр. Толстой, — употребляли одинъ и тотъ же приемъ, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали жизнь единичныхъ людей, пра-